

ГЕНИЙ РУССКОГО ПОИСКА

19 февраля умер один из самых умных людей России — академик Игорь Ростиславович Шафаревич. Я намеренно не употребляю выражение “ушёл из жизни”. Люди такого масштаба, несмотря на смерть, не уходят. В самой их кончине, как правило, содержится урок, важный для всей нации.

Судьба Игоря Шафаревича как выдающегося математика ошеломляюще удачна. Не случайно его называли “Моцартом математики”. В 17 лет он оканчивает МГУ, в 19 защищает кандидатскую, в 23 — докторскую. В 35 лет избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 36 становится лауреатом Ленинской премии.

Казалось бы, вот она, наглядная реализация самых смелых мечтаний. Однако Игорь Ростиславович с лёгкостью отказывается от почестей, устоявшегося положения в обществе. В 60-е годы Шафаревич выступает с открытыми письмами в защиту Русской православной церкви, а также против использования психиатрии в борьбе с инакомыслием. Защищает тех, кого считал несправедливо гонимыми. В 1974 году протестует против ареста А. Солженицына. На следующий год Игоря Ростиславовича изгоняют из МГУ.

Почитатели Шафаревича, сделавшие “Русофобию” (1982; публикация в России — журнал “Наш современник”, 1989) своим знаменем, не любят вспоминать о его правозащитной деятельности. Хотя, если вдуматься, столь смелую работу, как “Русофобия”, мог написать именно такой человек, готовый ради служения правде бросить вызов могущественным силам.

Он был наделён мужеством. Интеллектуальным и бытовым. Об этом писал А. Проханов, вместе с Шафаревичем побывавший в сражающемся Приднестровье. Это готов подтвердить я, дважды летавший с Игорем Ростиславовичем в Чечню в разгар боёв.

После конфликта с советской правящей элитой Шафаревич решается на противоборство с либералами, отечественными и западными, — силой, жёстко организованной и беспощадной. В “Русофобии” с математической ясностью продемонстрировано, как “малый народ” — сцепленная внутренней солидарностью группа элиты — подавляет “большой народ”, в данном случае русских.

Возмездие последовало немедленно. Академика объявили “фашистом”, “антисемитом”. В отклике на смерть Шафаревича А. Проханов отметил, что из трёх знаменитых диссидентов — Сахаров, Солженицын, Шафаревич — лишь на долю Игоря Ростиславовича выпала пожизненная опала: “Он был окружён плотным облаком тьмы”.

В этом — первая часть урока, связанная с судьбой Шафаревича. Мы, “большой народ” — в отличие от “малого”, — не умеем защищать своих духовных лидеров.

Но есть и вторая часть — ещё более трагическая. В патриотическом движении, наряду с признанием выдающейся роли Шафаревича, присутствовало и недоверие к нему, его поиску, его патриотизму. Подозрение, основанное, в сущности, на неприятии интеллектуальной свободы как таковой. Это недоверие вписывается в общую атмосферу идеологического охранительства, насаждаемого едва ли не официально (с самых верхов прозвучало обвинение в адрес оппозиции: “Умничают по любому поводу”).

Между тем России сегодня, как никогда, необходимы поиски новых подходов, новых решений, новых путей преодоления кризиса. В стремительно меняющемся мире решающей силой оказывается не сила оружия или экономики, а сила мысли. Человек, столь полно воплотивший в своей деятельности мыслительный потенциал нации, нужен стране как пример учёного и гражданина. Как гений русского поиска.

Александр Казинцев